ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

Елена Княжина

ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ПРОКЛЯТИЕ,
или Тьма ее побери!

Елена Княжина

Зеленоглазое проклятие, или Тьма ее побери!

Серия «Волшебная академия (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
https://litres.ru/69223369
Елена Княжина. Зеленоглазое проклятие, или Тьма ее побери!: АСТ; Москва; 2025
ISBN 978-5-17-178355-6

Аннотация

Утром в книжной лавке хотелось его придушить. Днем в парке – скормить рою плотоядной саранчи. Ночью, в постели, от него стала зависеть моя жизнь. Если он уйдет – Тьма завладеет моим телом, а душа отправится в ее мрачные чертоги. Если останется, то потребует слишком высокую плату за свои сомнительные услуги… Наверное, не стоило нового Мастера проклятий сравнивать с филейной частью местного парнокопытного?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	45
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Княжина
Зеленоглазое проклятие, или Тьма ее побери!

© Е. Княжина, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Пролог

Девчонка без имени была так истощена темной хворью, что он вполне мог поднять ее одной ладонью. Удержать на трех пальцах, покачивая в воздухе, как тряпичную куклу.

Вместо этого Данн подсунул обе руки под невесомое тело и аккуратно сгреб с середины кровати на*её* половину. Они так «договорились» с самого начала, и не стоило менять правила в последний день. Это бы внесло в устаканившуюся жизнь лишний хаос.

Небольшую уютную комнату заливал серый свет, просачиваясь сквозь идиотские занавески с рюшами и очерчивая фигурку на бело-розовых простынях. За окнами уже собирался рассвет. Но не спешил, позволяя Данну еще задержаться.

Маг убрал ее тонкие бледные руки со своей подушки и уложил по обе стороны от чернявой головы. Провел большим пальцем по почти белым губам. Завтра они будут розовыми, а на щеках разыграется румянец. Глаза снова заблестят раздражающей зеленью. Девчонка шла на поправку.

Сейчас из этого дерзкого рта не вырывалось оскорблений, и смотреть на него было приятно. А признаваться себе в этом – нет.

Данн улегся на*свою* сторону, машинально набросил покрывало, шумно выдохнул в потолок. Докатился. Лежит и

прислушивается к легкому, еле слышному дыханию.

Зараза. Вархова зараза. Стоило бросить ее в том парке и не портить себе жизнь.

Он сел резко, сбросил с себя покрывало с дурацкими рюшами. Эта девчачья комната доконала его еще в первые сутки! Что может быть нелепее, чем столичный мастер проклятий, любимчик Тьмы и ужас врагов короны, развалившийся на бело-розовом зефире с кружевными оборками?

Так и остатков пугающей репутации лишиться можно. А его вполне устраивало, что простаки при его появлении делают шаг назад и опускают в пол глаза…

Тьма ее побери!

Пора уходить. Прямо сейчас. Все ведь так просто. Встать, собрать с пола вещи, привести себя в порядок и выйти из варховой спальни. Спуститься вниз, предельно вежливо пообщаться с издергавшимся папашей, принять благодарности и оплату…

И никаких ошибок. Больше они с ней никогда не увидятся. Так будет лучше для обоих.

Рэдхэйвен сполз на край кровати, свесил ноги, поднял с пола порванную рубашку. С силой потер лицо. Размял шею, почесал недельную щетину. Нащупал след от укуса… Ничего, он за него отомстил.

Склонил голову набок и очертил глазами две изящные ступни, торчавшие из-под подола длинной сорочки. Задумчиво пересчитал смешные маленькие пальцы. Приподнял

ткань, провел указательным по хрупкой щиколотке, отмеченной паутинкой серых вен. Прорисовал каждую, запоминая витиеватый узор… К утру они исчезнут совсем. Он этого уже не застанет.

Девчонка дернула ножкой: щекотно. Данн хмыкнул, развернулся, просунул руку под ее затылок и приподнял голову над подушкой. Притянул к себе безвольное тело. Тряпичная куколка, выбившаяся из сил, измотанная борьбой…

Это сейчас зараза прикидывалась покорной. Потому и лезли в голову идиотские мысли об «оплате». А ты пойди к зеркалу да пересчитай все царапины, оставленные варховыми когтями…

Ткнулся носом в ложбинку на длинной шее, вдохнул, вздрогнул, мгновенно захмелев. Отбросил девчонку обратно на подушки и резко поднялся с постели. Проклятье!

Чем выше поднималось солнце над Анжарской провинцией, тем явственнее Рэдхэйвен понимал, что не может уйти отсюда с пустыми руками.

Хозяин дома сказал, что за спасение зеленоглазой заразы Данн может взять все, что захочет. Вообще все. И потому внизу его дожидался бесценный древний артефакт – оплата недельных трудов.

В окно стучалась ветка с резными красными листьями, отбивая секунды.

Хрясь! Хрясь…

Он серьезно собирается это сделать?

Знает ведь, что пожалеет…

Глава 1

За неделю до событий пролога

–Подожди меня тут, ладно? – крикнула Вейну, толкая стеклянную дверь книжной лавки. – Каких-то пять минут, и я вся твоя.

В нос ударил привычный запах старых страниц, пыли и духов сирры Фэрвей. Домашний и уютный. Я даже зажмурилась сытой каффой, насколько приятный.

– Знаю я эти ваши «пять минут», мисс Ламберт, – проворчал Диккинс, картинно хмуря брови под светлой, выгоревшей за лето челкой. – И эти ваши «вся твоя» тоже…

Он и дальше что-то раздосадованно бубнил, но я успела скрыться за дверью. Сам виноват, что повел меня на прогулку мимо лавки Фэрвей. Раз уж так хорошо все знает, мог бы выучить и мою зависимость от ветхих научных трудов. Беспощадную и совершенно неконтролируемую.

Ладно, мне же только одним глазком глянуть! Дойду до витрины, пальчиком приподниму защитные чары. Вдохну поглубже аромат вожделенных страничек и пообещаю им вернуться завтра. Мне просто надо убедиться, что он и правда тут. Ровно там же, где и я. И мы наконец встретимся.

Трактат Милезингера! Тот самый, который ну никак не мог оказаться в нашем Вархом забытом Аквелуке… И тем не менее – та-да-дамм! – он это сделал. Оказался то есть. Ждал меня своими шуршащими старостью страничками, а я, как назло, еще неделю назад пообещала Диккинсу погулять. Вот что за невезение?

– Позвольте? – попыталась протолкнуться через неприлично высокого джентльмена, но эта скала встряла в узком проходе намертво. – Сир?

Он молчал и больше напоминал статую, чем кого-то из плоти и крови. Понадобится кран на магической тяге, чтобы эвакуировать окаменелого посетителя, не подающего признаков жизни. Или небольшой направленный взрыв темного топлива.

Да Варх с ними, с признаками. Слух-то у него есть?

– Кхм-кхм!

Прямая спина не шевельнулась, и я даже решила, куда его направить. Взрыв этот. Вот прямо под наглый…

– Ау, вы весь проход заняли, сир! – Попыталась держать себя в рамках. Может, он и впрямь глуховат? – Купите книжку и идите читать домой.

Оглядев широкие плечи посетителя, замотанные в походный темно-синий плащ, пришла к удручающему выводу. (Мы, теоретики магии, очень это дело любим – к разного рода выводам приходить. Хлебом не корми, дай всех вокруг осчастливить результатами умственного труда.)

Так вот, мой свеженький, с пылу с жару сделанный вывод гласил: даже если мужик повернется боком и прижмется поясницей к стеллажу, я вряд ли смогу протиснуться, ни разу к нему не притронувшись. Видит Варх, задену или одной своей частью, или другой, смотря какой стороной просачиваться. А это уже чревато…

– Сир… Это общий коридор. Вы не могли бы выйти и позволить мне войти?

Касаться незнакомых магов подобного уровня силы считалось не только дурным тоном, но и весьма опасным мероприятием. Никогда не знаешь, чем это для тебя окончится. Отец говорит, в столице многие болезненно реагируют на прикосновения. Прямо в бешенство приходят от случайного столкновения. Вдруг этот маг – именно из таких, психованных?

Так что я, будучи девушкой разумной и осторожной, поначалу просто скромно покашливала. Хотя теперь уже заходилась в таком истошном хрипе, будто в горле застряло как минимум гхаррово копыто. Как максимум – весь гхарр целиком.

На мое по-великански раскатистое «Кхе-кхе!» даже Палетка, каффа госпожи Фэрвей, вылезла из-под лавки. И неодобрительно так мяукнула, дернув несоразмерно длинным и пушистым хвостом.

А как еще сдвинуть эту зачитавшуюся глыбу? По-хорошему мужик не понимал.

– Эй, мистер!.. – рявкнула в сердцах. Так, что люстра над головой звякнула стекляшками.

Он развернулся. Проклятье!

Нет, в целом мужчина выглядел как коренной анжарец. Он подходил под это звание даже больше меня. Широкие черные брови, слегка загорелая кожа, трехдневная щетина (наши мужчины плохо управлялись с бритвенными принадлежностями)… И все же я точно поняла, что это чужак.

Виной тому были ярко-желтые глаза, сверкавшие, словно сахарный леденец на солнце. Полный мрак.

– «Эй, мистер»? Не слишком вежливо, вы не находите? – произнес бархатно, с невыразимым и отчего-то невыносимым достоинством.

Я и не рассчитывала уже, что окаменелого незнакомца можно чем-то задеть. Ан нет, смотрите-ка, пробрало. Столичный сир у нас, оказывается, жутко высокомерный и самодовольный. Не какой-то там «мистер».

– Я нахожу, что вы загородили проход к артефакторному разделу. Отодвиньтесь… А лучше выйдите совсем.

Пялилась на его золотые глаза я совсем неприлично. Нехорошо так нагло людей разглядывать. Но разве такие вообще бывают?

Светившиеся, как два джантарика в солнечных лучах, странные глаза вполне могли показаться красивыми, будь хоть немного добрее. Но нет. Вся неприглядная суть выпирала из них напоказ.

– Я предпочту остаться там же, где сейчас, – с издевательскими хриплыми нотками в голосе заявил незнакомец.

Лицо его приобрело скучающее выражение. Оглядев меня с ног до макушки, он не нашел ровным счетом ничего для себя интересного.

Варх Всемогущий, изгони это самодовольное нечто из моего коридора!

Я застряла взглядом в коротких темных волосах, блестящих, как шерсть черной вирры. Те были вполне пристойно уложены. Неидеально, но тип явно привык о себе заботиться. И только грязь, заляпавшая подол походного плаща, выдавала в нем человека, вырванного из зоны привычного комфорта.

Интересный мужчина, хоть и жутковатый. Местами даже привлекательный. С красиво очерченными загорелыми скулами и поистине анжарской растительностью, сползающей со щек на подбородок.

Пожалуй, этой щетине даже больше, чем три дня. Я не специалист в этом вопросе, отец всегда бреется начисто. Как любой теоретик магии, я умела признавать, что ошиблась в расчетах. Будет неуместно уточнить, сколько дней он не брился?

– Идите, идите, нечего такой удивленный вид строить, как будто табличка не для вас написана. – Неодобрительно сопя, я ткнула пальцем в деревянную дощечку с правилами посещения лавки.

«Будьте взаимно вежливы и не блокируйте проход к дальним стеллажам».

Мстительно сощурилась – ну, что он на это скажет?

Черные брови медленно поплыли к переносице, рисуя на лице крайнюю степень раздражения. И еще недоумения.

Чужак был искренне удивлен, что кто-то в аквелукской книжной лавчонке осмелился с ним заговорить. Глаза-джантарики опасно сверкнули, осыпав искрами заросшие загорелые щеки. Мужик резко выдохнул, поджал губы… и не шелохнулся.

– Пошла вон, – сухо бросил он и снова уставился в книгу.

Вот ведь квахар недощипанный!

– В столице все такие хамы?

И зачем спрашиваю? Знаю ведь, что практически все. Высокомерные снобы, легко играющие чужими жизнями. И временами не дорожащие даже своей.

– По большей части да, – согласился с моими мыслями коренной хитанец. – Давайте так, девица из Аквелука. Я пришел сюда первым, и мне нравится тут стоять. Прикипел, верите ли, именно к этому коридору. Так что или вы, если вдруг владеете левитацией, перепорхнете через меня… или вернетесь через пару часов, а пока насладитесь свежим воздухом по ту сторону стеклянной двери.

Он снова уткнулся глазами в книгу, и моя рука чуть не перепорхнула ему в нос. В голову полезли преступные мысли об удушении и последующем ощипывании всяких надмен-

ных квахаров.

Глаза принялись суматошно ощупывать полки на предмет самого увесистого томика. Хотя вряд ли я смогу подпрыгнуть так, чтобы сверху обрушить на мужика всю мощь древних знаний.

Ва-а-а-арх! Ну пожалуйста… Чего тебе стоит шандарахнуть этого типа молнией или чем ты там умеешь? Мне очень нужно пройти к витрине за его спиной. Жизненно необходимо.

Силой от него разило, как от грузчика потом в жаркий полдень. Маг высшего эшелона, это уж как гхарру пить дать. Такие самоуверенные, наглые и высокомерные только в столице водятся. Совсем другая весовая категория. Но. Всегда ведь есть «но»?

Но я была на своей территории, а этот тип… Топтался в моем любимом углу, загораживал мою любимую полку и, что особенно раздражало, сжимал в невоспитанных лапах одну из маминых любимых книг!

Надо предупредить госпожу Фэрвей, чтобы не вздумала продавать Лис-Харгенскую «Эволюцию проклятий» желтоглазому упырю.

– Вы еще здесь? – Он оторвался от страниц и удивленно поднял широкую темную бровь.

Вот такая я непослушная, представьте себе… мистер Вархзнает-кто.

– И никуда не уйду, – пропыхтела с досадой и привалилась

плечом к стеллажу, готовясь к долгой битве.

Вейну придется подождать. Но он терпеливый парень и уже привык, что со мной всего ждать приходится. Даже обещанного поцелуя в темном академическом коридоре за статуей Имиры Сиятельной.

Не виновата же я, что нам все время что-то мешает? То я приболела, то вот как сейчас – Бал Варховых даров перенесли, и всех по домам отправили, пока по академии шастают неприрученные проклятия.

А нынче на полочке стоял он… Трактат Милезингера! Самое светлое пятно этого дня. Если я, конечно, сумею к нему пробраться сквозь пропитанное мраком самодовольное тело.

– Сами идите… и наслаждайтесь воздухом с той стороны, – просопела, сосредоточенно морща лоб.

– Не боитесь дерзить незнакомцу, девица из Аквелука? – нагнулся и протянул с магической, завораживающей какой-то хрипотцой. Демон! – Мало ли*кто* он и на *что* способен…

Голова опять начала раскалываться, в сотый раз за последние шесть часов. Этот непростой день еще предстояло как-то дожить.

Ох, я явно переоценила свои силы. Опять не рассчитала, да. А еще теоретик!

Я никогда не страдала магренью, а тут просто напасть какая-то. И с самого утра. Только мы с ребятами расселись по маг-вояжерам, как в голову стал монотонно стукать гигант-

ский молот. «Бам! Бам!» – разносилось с завидным постоянством по черепной коробке. Обреченно потерла висок: когда же это кончится?

Глаза поймали в фокус черное пятнышко на запястье. Неприятное какое-то, грязное. И вроде чернил в руках я сегодня не держала.

Я облизнула палец и попыталась стереть кляксу. Сейчас этот столичный сноб увидит, что я вся заляпалась, и вовсе перестанет воспринимать всерьез.

Мужик с любопытством следил за перемещением моего пальца изо рта к запястью и снова в рот. Даже губы свои облизнул, задержавшись взглядом на моих. И я запоздало догадалась, как это кошмарно выглядит. Проклятье!

– Милая, ты уже видела свой вожделенный трактат Милезингера? Вчера прислали. – Из-за прилавка высунулась всклокоченная рыжая голова сирры Фэрвей. – Я его только что выставила в наше застеколье в разделе прикладной артефакторики. Подальше от грязных рук. Давай-ка я сниму защиту и ты сможешь его полистать?

Издевательски скривившиеся губы непрошибаемого хитанца намекали, что нет. Не смогу. Ни полистать, ни даже одним глазком глянуть. Тьмы на него нет!

– Завтра полистаю, – прошептала больше себе и каменной глыбе, забаррикадировавшей проход, чем хозяйке.

Да к гхаррам под копыта этого мага! Меня Диккинс ждет, мой идеально среднестатистический, математически выве-

ренный друг, рассчитывающий на что-то большее.

Вот сколько можно его кормить обещаниями? Совести у тебя нет, Эв Ламберт. Фидж, мой мизаур, который год об этом намекает, пакость ушастая. Давно стоило к нему прислушаться.

Я развернулась на каблуках и припустила к выходу. Вырвалась из вдруг ставшей душной лавки и вляпалась носом в своего заждавшегося среднестатистического принца.

– Все, я готова, – выдохнула покладисто, улыбаясь добрым медово-карим глазам. – Гуляйте меня полностью, мистер Диккинс.

– Знаю я эти твои «полностью», Эв… – насмешливо фыркнул Вейн, который давно уяснил, что прогулка – это именно прогулка. И ничего этакого.

Глава 2

Ноги сами потянули нас в парк – наблюдать за стаями перелетных сине-белых окалей и лакомиться засахаренными сердцевинами анжарских орехов.

Пока Вейн хрустел в мое ухо, я хмурила лоб и прикидывала, сколько у меня осталось дней на изучение трактата. На внеплановые каникулы отвели всего неделю, так что завтра мне обязательно надо вернуться в лавку с блокнотом и сканирующим артефактом.

Все лето я уламывала сирру Фэрвей выкупить рассыпающийся на магическую пыль фолиант. Лично нашла его на благотворительном аукционе в Либтоуне. Ясен гхарр, такую редкость она перепродаст в разы дороже какому-нибудь столичному снобу. Вроде упыря желтоглазого, ага. Уверена, гад спит и видит, как увести из-под носа мое сокровище!

Но до этого я успею хоть что-то законспектировать. Моя работа над плетением медленного нагрева встала намертво, и забытые знания господина Милезингера были бы очень, очень кстати…

– Ты опять в облаках витаешь, Эв? – хрустнул на ухо Диккинс.

– Напротив, я очень твердо стою на земле, – притопнула по траве с усмешкой.

В голову тут же прилетел очередной «Бум!». Поморщи-

лась, потерла виски. Да что же это такое?

– До сих пор болит? – Парень заботливо потрепал меня по волосам и приобнял за плечи, защищая плащом от промозглого осеннего ветра.

Перед глазами плыли очертания деревьев и прохожих, кутающихся в походные мантии. Погода портилась, люди куда-то спешили, размазываясь расфокусированными пятнами передо мной. Я и Вейна-то могла опознать лишь потому, что он в мое ухо пыхтел и об щеку терся.

В глаза словно песка насыпали. Черного и едкого, взрывающегося яркими золотыми искрами при каждом приступе. Прямо скажем, сегодня был не лучший день для нашего долгожданного свидания с сиром Милезингером. Но я не в том положении, чтобы носом вертеть.

Странные происшествия в академии начались как нельзя кстати. Нет, проклятые двери – это, конечно, плохо. Ужасно! Но все-таки немного хорошо.

Потому что рано или поздно мастер, вызванный ректором из столицы, все там тщательно залатает и подотрет. А я тем временем хоть одним глазком погляжу на трактат. А если повезет – то и двумя, чем Варх не шутит?

– Э-э-эв?

– Всю дорогу трещит. Того и гляди совсем расколется, – проворчала с обидой.

– Нет, этого нам не нужно. Тогда твой мозг вывалится… Э-э-э, да вот прямо сюда и вывалится. И кто станет новым

научным светилом? – захохотал парень, глядя на поросший сочной травой холмик. Я поморщилась: слишком громко. – Прости, прости, крикетка. Ну что, домой?

– Еще погуляем, – помотала больной головушкой.

Машинально потерла запястье – да что за грязь-то такая въедливая? Без толку. Пятно как будто только сильнее расплылось от моих стараний!

Покосилась на Вейна, выжидательно покусала губу… Ну не-е-ет. Сама я точно заводить *эту* тему не стану.

Он не торопился приглашать меня на Бал Варховых даров. Выдерживал драматическую паузу. Но я-то знала, что это неизбежно случится сегодня. Мы уже третий год туда вместе ходим, такая традиция. Это ведь неплохо, когда в твоей жизни все предопределено и ты знаешь, что будет завтра?

Сам Диккинс был математически выверенным, будто созданным искусственно. Весь какой-то немножко средний… Средней привлекательности, среднего роста, средней болтливости.

Пожалуй, если бы меня попросили описать своего друга, я бы запнулась и надолго застряла с этим вопросом. Так, волосы светлые, длинные, глаза – медовые… Уши, рот, нос и шея – присутствуют. Если бы мы не виделись каждый день на занятиях, через месяц я могла бы его и не признать. Но мне было бы приятно с ним заново познакомиться.

Кроме Ровейна Диккинса, с которым нас связывали условно средние отношения – то ли дружеские, то ли любов-

ные, – у меня еще была учеба на факультете теоретической магии. И скромненькая такая, более чем осуществимая мечта: заниматься в будущем бытовыми плетениями.

Набор называется «Жизнь без потрясений». Пользуется, между прочим, большой популярностью у анжарцев.

Никто меня к скучной, предсказуемой жизни не принуждал. Просто мать со своими безумными, смелыми экспериментами уже довела отца до седых волос раньше положенного срока. Если я пойду по ее стопам, папа через год вообще облысеет. А кто виноват будет? Конечно Эйви!

Дед при жизни говорил, что маму сгубила нетерпеливость.

> «Суетливая была. Вместо того чтобы хорошенько разобраться в теории, сразу бежала все проверять на практике».

Эти слова крепко въелись в память. Правда, с дедом я была не согласна. И в маминой смерти винила кое-кого другого, хоть и старательно кивала старику, чтобы не расстраивать.

Как бы там ни было, со мной семейству повезло. С утра пораньше я закапывалась в научные труды моих предшественников. Исчеркивала блокнот нелепыми, но, без сомнений, гениальными идеями. Снимала магкопии с редчайших забытых фолиантов… Но желания поэкспериментировать и проверить теории в лаборатории так во мне ни разу и не возникло.

Нет, трусихой я не была, просто… Назовем это ответ-

ственностью. Вот случится со мной что, и кто останется с отцом? То-то же.

Жуткие молоточки, бьющие в виски так остро, что голова будто в прямом смысле раскалывалась на запчасти, к вечеру грозились меня доконать. Весь день вирре под хвост пошел, начиная с посадки в маг-вояжеры у академии!

Утро выдалось нервным. Студенты впихивались в транспорт всей толпой, не глядя забрасывая сумки на крыши вояжеров. Доктор Граймс строго грозил ампутацией мозгов всем, кто рискнет подойти к кабинетам и вляпаться в проклятье.

Дерганый ректор разве что волосы на себе не рвал (красивые, между прочим, и старательно им отращиваемые). Тут я его понимала: почерневшие от темной магии двери выглядели жутко, словно за ними гостей встречала сама бездна.

Словом, слишком много для одной меня, болезненно жаждущей спокойной, размеренной жизни без потрясений… А сегодня еще очередной день памяти, и глаза с ночи на мокром месте.

– Ты придешь вечером? – Вспомнила, что хотела пригласить Диккинса к нам.

Ну вот что мы будем сидеть втроем, как голодные вирры на болоте? Экономке лишний рот только в радость. Мы с папой в такие дни все равно не едим.

– А это уместно, Эв? Твой отец…

– Шесть лет собирал толпу незнакомцев на официальной

службе и слушал лживые речи про маму, – скривилась, припомнив холеные столичные лица, закрытые добродушными масками. Мерзавцы! – В кои-то веки соберемся узким кругом, без*этих*… Приходи.

В горле растеклась горечь – то ли от магрени, то ли от воспоминаний. Я притормозила Вейна жестом и свернула на дорожку, убегающую влево, к фруктовым палаткам. Мне срочно нужно было перебить отвратительный горько-сладкий привкус во рту.

Схватив с прилавка простачки Марисы первое попавшееся яблоко, я сунула ей йорген и принялась торопливо обтирать красный плод подолом юбки. Горечь становилась невыносимой и уже разъедала язык.

– Тебе надо чаще есть фрукты, Эйви. Ты бледная, как сама Тьма, – выдала сомнительное сравнение Мариса.

Я поблагодарила за заботу, резко развернулась… и размазалась носом по твердой, недовольно дышащей поверхности. Приятно, кстати, пахнущей. Не Вейном и не по-местному.

У нас в Анжарской провинции простые работяги больше по части ядреного пота. А студенты в академии иной раз так зальют себя парфюмом, что дурно делается.

Я вообще не очень люблю посторонние запахи и никогда не пользуюсь духами (к вечеру сама себя начинаю раздражать). Но конкретно этот аромат… Пожалуй, я могла бы и полюбить. Было в нем что-то знакомое и родное. Даже горечь во рту на миг пропала, а это уже ого-го какой плюс.

– Опять вы?! – прозвучало хриплое над моей макушкой. Ой какое недовольное! И тоже знакомое…

Величайшая несправедливость, что так приятно пахнет этот вот…*этот вот*!

– Проклятье! – Убрав с его походного плаща свой блаженно принюхивающийся нос, я отпрянула к прилавку с фруктами.

Несколько альта-цитронов упало в траву, но Мариса и ухом не повела. Ошалело пялилась на хитанца, заранее ожидая неприятностей. У простых людей на это дело особый нюх.

Но маг (к радости торговки и к моему неудовольствию) вонзался своими пылающими желтыми топазами не в нее, а в меня. Обвинял! То ли в том, что опять ему на пути встретилась. То ли, напротив, в том, что из лавки сбежала, не дав ему насладиться сладостью триумфа. Варх разберет этих столичных снобов, что им на сей раз пришлось не по вкусу.

– Я уже ухожу, – на всякий случай заявила мужику и сдвинулась вбок.

Нет, у меня был, конечно, соблазн встать намертво, раскинув руки, и не подпустить его к прилавку. Но я вовремя напомнила себе, что эта месть будет выглядеть глупо и по-детски. Магрень усиливается, нервы мне дороги, а горечь во рту сама себя не прогонит.

– Ухо́дите, – согласно кивнул хитанец, въедаясь глазами в мое яблоко. – Но без этого.

Я так засмотрелась на его небритые щеки и неприлично ровный загар, что не сразу уловила смысл слов. Завороженно поднесла фрукт к губам, невольно перемещая взгляд мага с яблока на свой рот.

Он послушно пристыл глазами к моему лицу. Шумно вдохнул, поморщился, словно от меня пахло куда хуже, чем от его драгоценной столичной персоны. Но я точно принимала душ после изматывающей поездки в вояжере. Если и пахла чем, то просто… собой.

Маг очертил глазами мои губы, припавшие к яблоку. Проморгался, зажмурился и резко схватил за запястье. Сжал неприятно, стягивая кожу, и дернул меня к себе.

– Ай!

– Стоять, – грозно зашипел на мою попытку вырваться.

Тьма! Наверное, он все же из тех, психованных, которые от прикосновений звереют. А я в него целым носом вмазалась, со всем к нему прилегающим…

– Больно! – вскрикнула, расширив глаза. Впитывая ими образ темноволосого хитанца. Нет, странный он все-таки. Красивый, но жуткий. И эти глазищи…

– Бросьте! – рявкнул требовательно и потряс мою несчастную руку, все еще сжимающую красное яблоко. Да чем мы с фруктом ему не угодили?

– Пустите… – просипела, выкручивая руку.

Рисковала без кожи остаться: так крепко держал. Эдак у меня на обоих запястьях отметины будут! На одном клякса

чернильная, на другом – вархова пятерня в багровых тонах.

Опять отец будет глаза закатывать и ворчать, что из меня такая же женственная, благовоспитанная особа, как из него – ее величество. Но поскольку я понятия не имею, как выглядит это величество, то не могу так сразу оценить, насколько папе туда далеко.

– Отдайте яблоко, девица из Аквелука! – Незнакомец отпустил наконец мое измученное запястье и сунул под нос свою раскрытую пятерню.

Ну вообще!

Нет, мало того что он третий или какой там по счету раз указывает мне на мое место… Мало того что лишил меня радости подержать в руках трактат Милезингера… А до завтра книжку и продать могут!

Так еще и яблоко мое забрать хочет? Совсем они там в своей столице огхаррели… Я за него, между прочим, йорген заплатила и сдачи не дождалась. Дорогой вышел фрукт. И он мне нужен!

– Купите себе собственное и наслаждайтесь. По любую сторону, но подальше от меня… «мистер». – Поморщила нос, отказываясь впускать в себя чудовищно приятный запах. Не хватало еще потом повсюду таскать с собой этого мужчину.

Демонстративно откусила от сочного красного бока. Чавкнула смачно, разжевала, не отрывая глаз от пылающих огнем джантариков. Полный мрак, ей-Варху!

Горечь во рту не пропала, а, напротив, усилилась. Но я не успела свыкнуться с новым ощущением. Потому как на горле сжалась каменная ладонь! Так сильно, что глаза из орбит выкатились.

Варх меня прибери… Он точно психованный.

Я захрипела, подавилась, закашлялась. Маг грубо развернул меня к себе спиной и от души шлепнул между лопаток. Недожеванный кусок выскочил на траву, и только после этого хитанец изволил отпустить мой локоть.

– Вы ненормальный, – просипела, оборачиваясь и потирая горло. На котором, уверена, тоже теперь отпечаток руки виднелся.

– Не знал, что у анжарцев темная материя входит в рацион, – равнодушно бросил невоспитанный тип и отвернулся к Марисе.

Снова потерял ко мне интерес. Словно не он меня тут тряс и по спине поколачивал на виду у прохожих. Самодовольный квахар! Такого наша экономка даже в суп не возьмет, чтобы еду желчью не испортить.

– Сир, что-то не так? – предчувствуя неладное, промямлила торговка.

– На фруктах остаточные следы разрыва. Почти все запятнаны мраком. – Лицо его сделалось жестким, требовательным. – Как вы планируете это объяснять, мм?

Он достал из кармана черно-золотую карточку и быстро помахал перед ее носом. Не представляю, как Мариса успела

что-то на ней прочитать, но остатки краски резко пропали с ее лица.

– М-мраком? Да как вы это видите? – всплеснула руками простачка.

– Я проницательный, – растекся в жуткой ухмылке хитанец, и даже мне стало не по себе.

Я покосилась на фрукт, все еще зажатый в пальцах… и ошеломленно выронила его на траву. Плохое, плохое яблочко! Если этот квахар неощипанный не шутил, расстройство живота и магрезерва – меньшее, что мне грозило.

Но прилива благодарности не случилось: горло еще саднило, лопатки горели после спасительного шлепка. Не мог он повежливее как-то донести информацию?

– Поставщик сказал, что чистые они. – Мариса виновато повела плечом. – Разрыв дальше был, у другого склада… Мы давно работаем, с чего бы не доверять? Да и как проверить?

– Понятно. И других травите, и сами травитесь, – нахмурился хитанец, проводя ладонью над прилавком. Пальцы его окутывала едва заметная фиолетовая дымка, потрескивающая слабыми разрядами. – Внезапные мигрени, темные пятна в глазах? Обмороки?

– Голова болит третьи сутки, – покорно призналась торговка.

– Тут все загрязнено, – выдал вердикт обладатель черно-золотой визитки. – Уничтожьте. Лучше сожгите.

– Все?! – женщина задохнулась ужасом, вышла из-за при-

лавка и загородила его собой. – Но сир, я не могу позволить себе сжечь весь товар!

– А травить прохожих, видимо, можете? – с издевкой протянул маг, обходя неказистую фруктовую палатку.

– Разве вы не можете их как-то… очистить, сир? – У нее тряслись пальцы.

У простаков было не так много возможностей зарабатывать в Эррене. И я, хоть сама чуть не отравилась, все равно сочувствовала Марисе. Вряд ли она имела свободные средства на новый товар.

– Я? – поперхнулся маг и демонстративно поправил отворот плаща.

Только сейчас заметила на нем знакомую эмблему. Вот точно такую же видела в кабинете у нашего ректора в рамочке рядом с портретом миловидной белокурой леди. Понятия не имела, кто такая и зачем Керроу ее у себя на стене держал.

– Такие, как вы, все могут, – с благоговением в голосе прошептала Мариса. – Куда уж нам, простакам… Разве много это времени займет, сир? Эта палатка – все, что у меня есть.

– Мое время дорого. И даже несколько минут я предпочту потратить иначе, – фыркнул, брезгливо косясь на зараженные фрукты. – Дайте слово, что все уничтожите, и мы разойдемся. И скажите спасибо, что я не вызвал сюда маг-инспекцию.

– Маг-инспекцию? Она ничего не нарушала! – вспыхнула я сердито. – Сказала же, что не могла проверить…

– И потому продавала непроверенное?

– Я полжизни у нее фрукты покупаю, – заверила мужика. – Всегда вкусные, спелые и без мрака.

– Мне решать, нарушала или не нарушала. – Он поморщился неприязненно, едва я сделала шаг к нему.

Отмахнулся, словно я жужжала над ним назойливой анжарской мухой, от которой один шум и никакого проку.

– Но, сир! – Мариса вдруг упала на колени и схватила подол его плаща. Просительно скривилась, вымаливая милость.

Грудь запекло. Неприятно было смотреть на чужое унижение и быть бессильным чем-то помочь. Но этот маг… О да, он мог. Размер его магрезерва был явно соизмерим с размером эго.

– Уничтожьте, – сухо бросил хитанец, плотнее запахнул плащ и, развернувшись, стремительно пошел по дорожке к выходу из парка.

Этого я так оставить не могла. Пнув гадкое яблочко, потемневшее в месте укуса, я решительно побежала следом.

Сама не знала, с какой целью догоняю незнакомца. Вряд ли он ко мне прислушается и вернется помогать Марисе. Но хоть выплесну все, что думаю о таких, как он. Я много их повидала, пока мы жили в столице. Да и после, на вечерах маминой памяти.

– И это все, да? Перепугали до смерти невиновную женщину, лишили ее дохода, бросили простачку одну разбирать-

ся с мраком… – выкрикивала ему вслед, разъезжаясь ногами на влажной дорожке.

– Дохода ее лишила собственная глупость, – бросил через плечо. – Я не обязан исправлять чужие ошибки.

– Но вы могли помочь! Потратить полчаса вашей никчемной скучной жизни и помочь! – орала в его спину, кривясь от отвращения. В виски все сильнее колотилось привычное «Бам! Бам!», но я пыталась игнорировать боль.

Вот зачем я за ним бегу и только сильнее себя расстраиваю? Такие, как он, никогда не останавливаются. Никогда не сочувствуют чужому горю. Равнодушные, эгоистичные, холодные, как глыбы ташерского льда…

– Мог, – пожал плечом, даже не пытаясь изображать хорошего, но просто очень занятого человека.

– Так сильно спешите, что ли?

– Нет. Не спешу. У меня рейс в пять по Звездносводу, – буркнула спина. Хотя маг и впрямь развил приличную скорость, уносясь подальше от назойливой мухи. Той, что я. – Я здесь проездом и по другому вопросу. Это чужие проблемы, которые меня не касаются.

– Но вы их сами коснулись! Могли вовсе не лезть и дать мне сгрызть вархово яблоко! – возмущенно пыхтела, едва поспевая за стремительно удаляющимся магом.

– Мог, – снова признала спина, не считая нужным обернуться. – Но одно дело потратить пару секунд и не дать доставучей девице отравить себе жизнь, и другое – полчаса от-

дирать вязкую Тьму от альта-цитронов…

– А… ясно. Скучная работа, без огонька, – прибавила ходу. – Мне знакома ваша порода.

– Ваша мне тоже знакома, мисс, – с тяжелым выдохом затормозил хитанец, и я с разбегу вмазалась в его спину. Впитала гхарров аромат. Гадство! Ну все, теперь полдня буду с собой таскать. – Не путайтесь под ногами, пока случайно не раздавил. Не шучу.

– Знаю, что не шутите. И да, вы раздавите, – закивала ожесточенно, неистово, вновь вспомнив стадо высокомерных гадов, ежегодно читавших речи на дне памяти. – Я видела достаточно таких, как вы, пока жила в столице.

Кучка равнодушных снобов! Они говорили о моей погибшей матери «выдающаяся личность» и «светило экспериментальной магии». После чего шли пить настойку эшерских дварфов и обсуждать последние достижения ученых.

А сами, когда нужно было закупить новое оборудование для лаборатории в Хитане, не дали ей ни йоргена. Заморозили все заявки, проигнорировали все письма. А старое – оно на то и старое, что никуда не годное. Вот и взорвалось.

– И какие же*мы*? – с опасной ухмылкой уточнил хитанец. Решил, будто он саблезубый вирр, играющий с крошкой-россохой. Но не на ту напал!

Я шестой час мучилась магренью, и у меня была индивидуальная непереносимость таких вот выскочек из столицы. Едва ли в парке сейчас найдется кто-то злее и раздраженнее

меня. Раз в сто лет и мелкая безобидная россоха может закусать вирра до полусмерти. Если у нее был плохой день.

– Надменные, эгоистичные снобы, «мистер». Те, которым дела нет до чужой беды. Сильные маги, совершающие подвиги по расписанию, исключительно в удобные для них часы, – с ажиотажем выплевывала лестные характеристики одну за другой. – Не дорожащие ни своей, ни чужой жизнью ни на йорген. Скучающие от собственного несомненного величия. Ждущие, когда мир, наконец, придумает для них достойное развлечение…

– Звучит отвратительно, – поморщился тип, и его скулы неприязненно дернулись.

– Вот именно! – закивала довольно.

Наконец-то у нас с ним случилось взаимопонимание! Мужик, впрочем, ему не так уж и обрадовался.

– Может, мне тоже на колени перед вами упасть и подол вот этой штуки – что это вообще? мантия? – облобызать? – предложила насмешливо.

– Только если вам очень хочется.

Маг колыхнул походным плащом, заляпанным какой-то болотной тиной, предлагая немедленно приступить к лобызанию.

Внутри взметнулось столько желчи, что рой плотоядной саранчи отравить можно. Но я бы ей лучше этого квахара скормила, он посытнее будет. Хотя тоже наверняка горчит, несмотря на одуряющий аромат.

– Да что вы о себе возомнили? Царь и бог книжного отдела? Гроза торгашей испорченными продуктами? Сильнейший всея и всего? – Я уперла руки в бока и уставилась в желтые глаза. Ну и жуть. Такими только детей в сказках пугать! Полный мрак. – Да знаете, кто вы на самом деле?

– Кто?

Да он провоцировал меня! А я велась, как первокурсница. Невозможно остановиться.

– Прыщ на линяющей заднице винторогого гхарра, вот кто!

– Хмм… Прыщ, значит? – Он приблизился и навис над моим пылающим лицом.

– Прыщ, да, – выдохнула упрямо и сдула черную прядку, упавшую на нос.

Ох, Эйви, с самой Тьмой играешь. Как неоперившийся квахарчонок, ей-Вархy. Сколько раз отец тебе говорил держать язык за зубами в присутствии «сильных мира сего»?

– И не где-нибудь, а именно на линяющей… кхм…

– Линяющей, линяющей, – покивала равнодушному мерзавцу.

Золотые глаза ярко вспыхнули, осыпав меня тысячей крошечных искр, и отчего-то весь мой запал поугас. Я не трусливая, нет. Но рациональная. Обычно. Не вижу смысла рисковать почем зря. Но конкретно этот экземпляр сам напрашивался!

Должен же хоть кто-то сбить спесь со столичного зазнай-

ки? И на пальцах объяснить, что в нашем простом, как гхаррово копыто, Аквелуке так не принято?

У нас небольшой уютный городок, окруженный пастбищами, садами и фермерскими угодьями, где все знакомы и готовы помочь друг другу. А не привычные ему столичные залы, в которых принято изливать яд, льстить до изжоги и хвастаться юбками из трисольского шелка.

– Вы даже не догадываетесь,*кого* сейчас осыпали оскорблениями и *чем* он может на них ответить. Не слишком ли смело для разумного существа со здоровыми инстинктами самосохранения? – вкрадчиво промурлыкал жуткий тип, и сердце обреченно свалилось к пяткам. – Или у вас их нет?

Чутье горькими толчками пробивалось к горлу. Все, Эв Ламберт, ты допрыгалась, добегалась и доболталась. А ведь и впрямь понятия не имеешь, насколько этот маг психованный и какую твою часть тела сожмет следующей.

Я незаметно выдохнула и покусала губу, чем нечаянно привлекла к своему лицу лишнее внимание. Тяжелый взгляд снова упал на мой онемевший рот. В который раз хитанец смотрел на него*так,* что ноги подгибались и сердце в живот проваливалось.

Это же просто рот, ничем не выдающийся! Им едят, пьют и временами говорят гадости всяким столичным снобам. Заслужившим, между прочим.

– Есть инстинкты, – признала, мысленно поглаживая уязвленную гордость. Не трусливая. Рациональная. Нельзя под-

ставлять отца: он все, что у меня осталось.

Надо думать о хорошем. Впереди неделя каникул, в лавке дожидается трактат Милезингера. Нет смысла рисковать из-за лощеного квахара, с которым мы больше никогда не увидимся.

Совсем никогда! И это радовало до колючих мурашек. А два столкновения подряд – просто совпадение. Нелепое и неприятное.

– Хорошо, девица из Аквелука. – Мужик почесал небритый подбородок. – Тогда жду извинений за нелестное сравнение, и мы расходимся в разные стороны.

– Какое? – Я поморгала, перебирая в больной голове все, что он мог посчитать нелестным.

– То самое.

Золотой взгляд снова требовательно ковырнул по моим губам, и я поняла, что пора раскланиваться. Прямо срочно.

– Ах, это… Нет, сир, – выдохнула, проклиная себя всеми нехорошими словами, какие знала. – Это как раз было лестным.

Развернулась и побежала прочь. Отчаянно надеясь, что мужик не станет меня догонять и пытаться еще за что-нибудь схватить. У него не так много неиспользованных вариантов осталось, и это прилично нервировало. Так что ногами я перебирала шустро.

– Вы что, знакомы? – перепугал до полусмерти Вейн, бессовестно вынырнув из-за поворота.

Он смешно морщил лоб, в медовых глазах тлели искорки ревности. Я пихнула парня в бок и уложила больную голову ему на плечо. Глупый.

– Эв! – нахохлился приятель. – А ну, отвечай! О чем вы там столько времени трещали с самим…

– Пфф! – выдохнула через прикушенную губу и приподняла бровь. Он серьезно, да? Еще и обиделся. – Понятия не имею, кто это, Диккинс. А самомнения столько, будто он лучший друг ее величества и может тут всех положить одним щелчком пальцев. И ему за это ничего не будет. Ни-чего-шень-ки!

– Вообще-то, Ламберт, он как раз…

– Проклятье! – ойкнула, наступив каблуком на шишку.

Нога подогнулась и поехала в сторону, чуть не усадив меня пятой точкой в лужу. Сегодня точно не мой день!

Всю оставшуюся дорогу до небольшого фонтанчика в центре парка я возмущенно фыркала и сопела. Заносчивый желтоглазый упырь не выходил из головы. Так свысока смотрел, что хотелось подпрыгнуть и больно щелкнуть его по гордому носу. Если бы дотянулась, конечно.

И чем он так меня зацепил? Наверное, это из-за магрени и дня памяти все так остро воспринималось.

Понятно же, что хитанец просто развлекался. Провоцировал, тыкал в больное и ждал, что будет. Разбавлял аквелукскую скуку, которая со всеми столичными снобами в первый день приезда случается. Обычное дело.

«Девица из Аквелука». Обидно, кстати! Мы с папой сознательно выбрали спокойную, размеренную жизнь в Анжарской провинции. Подальше от Хитаны, пропахшей дразнящими запахами открытий и сильной магией.

Знакомиться с заумными трудами ученых я могу и здесь. Многие книги в лавке госпожи Фэрвей дублируют те, что хранятся на особых полках в столичной Королевской библиотеке.

– И вот что все перед ним так расстилаются? Смотреть противно, – заведенно шептала я, прячась в плаще Диккинса. – До чего неприятный человек! И слова цедит, будто говорить со мной – ниже его расфуфыренного достоинства.

– Привык, наверное, в этом своем…

– Вот из-за тех, кто на колени падает, сильные маги и думают, что им дозволено всё… Вообще всё, Вейн! – Поглядела на парня, чтобы убедиться, что он меня внимательно слушает, а не просто орехами хрустит. Иначе для кого я тут распинаюсь? – Берут, что хотят, и не думают об оплате! Гадости говорят, не волнуясь, что могут кого-то обидеть и сна лишить.

– Не заводись, а то магрень усилится, – разумно остерег друг, но меня не проняло.

Все внутри ходуном ходило от возмущения. Казалось, вся мировая несправедливость сконцентрировалась в ухоженном типе с золотыми глазами. Словно он нес ее в себе и заражал своим равнодушием других.

– Может, я чего-то не понимаю? – продолжала сопеть негодующе.

– Ты просто не читаешь газет, – хмыкнул Вейн.

– Я читаю книги. И научные статьи в журналах. Мне хватает. А знать, какие нынче юбки носит ее величество, мне, Диккинс, совсем не интересно, – пробурчала с неприязнью. Не к Вейну, к варховым юбкам.

Отец вечно ворчит, что мне бы вместо того, чтобы ночами ковыряться в бытовых плетениях, чем-то женским увлечься. Шарф ему там связать, цветы на клумбу у дома высадить или картинки из журналов повырезать да на стенку наклеить. Забывает, что мне не двенадцать. В единорогов я давно не верю, а на новые юбки ее величества у меня стойкая аллергия.

– А вот если бы хоть изредка заглядывала в «Либтоунский Вестник», знала бы, что*этому* и впрямь все дозволено. Пошли, крикетка, подальше. – Вейн ухватил меня за талию и увлек вперед по дорожке. – Мне от темных мастеров всегда не по себе. Ставлю сто йоргенов на то, что у него аура чернее, чем адова бездна.

Мы добрели до большого круглого фонтана. Веселые струйки в нем сегодня не били вверх, медные краны тоскливо высовывались из стоячей воды. На зеркальной глади качалась желтая листва, намекая, что осень действительно пришла в Анжарскую провинцию и пора утепляться.

Я отлепилась от горячего бока Диккинса и выпуталась из его плаща. Огляделась, вдохнула полной грудью. Я люби-

ла эту пору, когда клены-зубцы только начинают алеть. Когда плакучие гавы прощально шуршат облетающей листвой, а вековые туры гулко гудят скрипучими стволами. В такое время и дышалось как-то легко, по-особенному.

Но не сегодня. Воздух едва не застрял в горле, процарапал себе дорожку до легких и взорвался в груди острой болью.

– Что с тобой, Ламберт? – всполошился Вейн, таращась на меня во все глаза. А они у него красивые, я раньше не замечала.

– Не знаю, мне… плохо, – попыталась сформулировать шепотом.

Ощущения описанию не поддавались. Жилы по всему телу натянулись, взвыли, готовые лопнуть. И так необъяснимо страшно вдруг стало… Будто внутрь влезло что-то мрачное, несущее затхлый аромат безнадежности.

– Эйви… Эв!

Отмахнувшись от парня, я задрала рукав платья до локтя. Боль растекалась по телу именно отсюда, от моей «чернильной кляксы». Да только какие уж там чернила. От запястья по всей руке ползли серые венки, стремительно наливаясь черным. И это было больно… Ой, как же больно!

Я так сильно расширила глаза, что чуть сосуды не полопались. Вцепилась ногтями в руку сморщившегося Диккинса, простонала тихонько. Пыталась рассказать, как мне страшно, но горло сжималось, не давая издать нормальный звук.

Парень выглядел перепуганным, и это вообще никак не

успокаивало. Ему бы заверить меня, что все будет хорошо и прямо сейчас к нам примчится лекарь… Но Вейн в священном ужасе косился на мою шею. Похоже, дело было совсем плохо: Диккинс не из трусливых.

– Сейчас, вот так. – Он перехватил меня за талию, помогая аккуратно завалиться на холодную траву. – Ложись.

Меня как-то незаметно обступила толпа. Откуда здесь столько народу? Еще секунду назад все шли по своим делам, а теперь стянулись к фонтану, будто магическим магнитом.

– Бедная девочка… – нервно шептала какая-то тетка.

– Проклятье, может? – причитала другая.

– Да какое проклятье? Сама Тьма!

– Не говори чепуху, откуда в девице тьма…

– А вот ее спроси. Всякие нынче девицы бывают…

– Помогите ей! Кто-нибудь! – прикрикнул Вейн, придерживая меня за затылок.

Дышалось трудно, на ребра словно откормленный гхарр всем своим весом уселся и временами пританцовывал. Было настолько больно, что я разом забыла и про магрень, и про хватание хитанца.

Собравшись с духом, медленно перевернулась на бок и подтянула руку к лицу. Ошарашенно проследила путь настырной черной змейки, стремящейся к локтевому сгибу.

Имира Сиятельная! А ведь это и правда похоже, как Тьма карает. Рисса показывала мне жуткие картинки из своей «Энциклопедии доварховых времен». Вот точно такие же

черные ручейки, только нарисованные.

Но я же не делала ничего дурного? Да я самый безобидный теоретик на факультете: ни одного разрушительного эксперимента за три года! За что меня наказывать?

Лекарь не спешил, да и откуда ему взяться посреди Аквелукского парка? Толпа, судя по шепоту, уже провожала меня в последний путь. То ли в темную бездну, то ли к Варху на золотое облако. Прохожие так и не определились, невинная жертва я или «сама заслужила, раз Тьма лично явилась по ее черную душу».

Хотелось расплакаться совершенно по-детски и с обидой заявить, что ничего такого я не заслужила. Меня вообще трактат Милезингера в книжной лавке ждет, мне с него завтра еще копии делать сканирующим артефактом… И мамин день памяти… И Бал Варховых даров в академии…

С горьким стоном я безвольно уронила почерневшую руку обратно на траву. Уперлась взглядом в скопище равнодушных ног. В сапогах, в туфлях, в ботинках с начищенными носами… Они переминались, притопывали, но уходить не собирались. Ждали финала, словно им тут бесплатное шоу устроили.

За частоколом чужих ног продолжался парк. Мои глаза ощупывали размытый пейзаж, выискивая помощи и ответов. Почему? За что? Перелетали с рыжих кленовых листьев на припыленную дорогу, по которой лениво катились вояжеры, не замечая беды.

Взгляд потерял фокус, потом нашел, уперся во фруктовую палатку и полыхающий перед ней контейнер. Мариса приняла угрозу противного мужика всерьез и все сожгла.

Перед тем как веки окончательно закрылись, взгляд перелетел через весь парк и на том конце уткнулся в страшные желтые глаза. Проклятье! Вархов хитанец – последний мужчина, которым мне хотелось бы любоваться перед смертью.

Глава 3

Даннтиэль

Остановка в пахучем городишке случилась вынужденно. Частное воздушное судно, что должно было доставить Данна в академию, вдруг сделало резкий разворот. Высадило брезгливо морщащегося Рэдхэйвена на окраине Аквелука, не побоявшись гнева мастера проклятий.

Это могло означать только одно: дела короны. Они, как ни хотелось спорить, в Эррене считались более важными, чем его личные.

И теперь Даннтиэль, умудрившийся уже где-то измазать служебный плащ, бросал тоскливые взгляды на Звездносвод. Нет смысла продвигаться к воздушной гавани раньше, чем подойдет время общественного рейса. В маленьких городках крохотные залы ожидания лишены комфорта, зато изобилуют запахами рабочих и простаков.

Потому он уже час перемещался по парку со скучающим видом, не представляя, чем можно себя развлечь в деревне. Местные – за исключением одной доставучей особы с зелеными глазами и пухлой, крайне завлекательной нижней губой – его совсем не забавляли.

Ему было неинтересно разбираться с партией зараженных фруктов, купленных по дешевке одной скрягой у другого алчного торгаша. К чему тратить время, если это ничего не изменит? Завтра все повторится. Скряга и алчный торгаш встретятся вновь и заключат очередную сделку.

Грязь деревенских Данна больше раздражала, чем порождала любопытство. Местные нравы вызывали тошноту и желание помыться. После Хитаны здесь все казалось слишком… слишком. Во всех варховых смыслах.

Он довольно хорошо знал простых людей. Успел изучить за годы работы на высоком посту. Маска высокомерной, эгоистичной, ко всему равнодушной сволочи, которую он ежедневно старательно приклеивал за завтраком, избавляла от ненужных контактов. Благо слабые маги, учуяв черную ауру и завидев блеск в глазах, и сами не искали с ним дружбы. Что-то в нем отпугивало других, и это его устраивало.

И все-таки девица умудрилась царапнуть по самолюбию, которое в приличном объеме имелось в закромах данниэлевой души. Как легко она его прочла! Несколько фраз, а сколько яда. Тем обиднее, что вполне справедливого.

Вспомнив о задиристой девчонке, наивно пытавшейся заставить его отмывать чужие фрукты, Данн принялся разыскивать глазами хрупкую фигурку в не то зеленом, не то голубом платье. Методично очерчивал взглядом дорожки, скользил по неправдоподобно зеленой траве…

Сам не знал, зачем занимается этой чепухой. Неужто со-

скучился по острому язычку? В Хитане мало кто осмеливался ему дерзить. Да и в любой другой провинции Эррена люди, как правило, читали газеты и узнавали его по одной только эмблеме на плаще. Словом, непривычное ощущение.

Что-то манило его взгляд в сторону фонтана. Там галдела толпа, но не это привлекло внимание. Все тело подобралось: мастер защиты от проклятий вдруг ощутил знакомый сладковатый аромат. Дыхание темной стороны.

И хоть для Данна не было ничего привычнее этого запаха, он все равно неприязненно передернул плечами. Нечего делать Тьме посреди жизнерадостного, раскрашенного в осенние тона Аквелукского парка!

Толпа расступилась, и он с разгона врезался в зеленый взгляд. Нашлась его мелкая зараза.

Лежавшая на траве девица неприязненно скривилась и спешно зажмурилась. Узнала. Тем проще: он тоже позволил себе отвернуться и зашагать в другую сторону. Ей помогут. Или нет. Не его, Варх дери, заботы.

То, что ему скучно, еще не значит, что он начнет с энтузиазмом разгребать проблемы всех местных. В толпе полно взрослых магов с полным резервом, он бегло считал их ауры издалека. Кто-нибудь вызовет целителя или довезет девчонку в лечебницу, если дело совсем плохо.

Данн плотнее запахнул перепачканный плащ, поднял воротник, защищая себя от пронизывающего ветра, и пошел к дороге. Остановит первый вояжер и поедет в местную га-

вань, подальше от чужих проблем. Не так и кошмарно в тех залах ожидания.

Это все не его варховы проблемы. Фрукты, лавка, девчонка… Наверное, отравилась одним из тех яблок. Или нет. Не его дело.

В городе есть местное подразделение маггвардии, вечером он направит им записку с наводкой, пускай сами разбираются с неблагонадежным поставщиком. И лечебница тоже есть, как он слышал – вполне пристойная.

Данн великодушно разрешил себе идти дальше. И сам же себя не послушался.

Что-то во взгляде заносчивой девчонки не отпускало. Она давно закрыла глаза, толпа плотно сомкнулась над ней, но это не мешало Рэдхэйвену помнить. Взгляд, исполненный безумной, бесконечной боли, въелся в него, просочился под кожу. Он видел такие раньше.

Маг остановился, обернулся и напряженно вцепился глазами в толпу. Данн что-то упускал. Непохоже это на отравление омраченным яблоком.

Тонкая бледная рука просунулась между чужих ног и безвольно упала на зеленую траву. От хрупкого запястья тянулись темные вены, он умудрился разглядеть их даже со своего конца парка. Вся ее кожа до локтя подернулась серой паутинкой. Такое он тоже раньше видел.

К гхаррам! Час до рейса у него есть, и если девице еще можно помочь…

Толпа расступилась сама, едва Данн потревожил темной аурой личное пространство крайних. Ему даже кашлять, в отличие от девицы, не пришлось. Инстинкты самосохранения не дремали и отбросили публику на несколько метров в стороны.

Впрочем, любопытство – совершенно глупая черта! – отчаянно с полезными инстинктами боролось. Так что совсем расходиться никто не спешил.

Пихнув в бок нервного белобрысого паренька, усердно трясшего девчонку, как какую-нибудь тряпичную куклу, Данн склонился над умирающей. Ведь именно таковой она и была. Теперь, вблизи, он видел это ясно.

– Вы целитель? – недоверчиво протянула бабка, стоявшая ближе всех. То ли уже плохо чувствовала ауру, то ли решила, что на своем веку боялась достаточно.

– Скорее, наоборот, – усмехнулся непрошеной черной мысли Даннтиэль.

Странные магические хвори его увлекали, но не более того. Было нечто волнительное в том, чтобы смотреть, как хрупкая жизнь по невнятным причинам вытекает сквозь пальцы. И торжественное, величественное, гордое – в том, чтобы нащупать верную нить, дернуть умело и вернуть эту утекающую жизнь на место.

Пожалуй, в эти моменты Данн ощущал себя кем-то вроде Варха Всемогущего. Но если не получалось, сильно не расстраивался. Не страшно: потешит самолюбие в другой раз.

Эгоистично, но он с собой давно примирился.

Черная венка угрожающе пульсировала на девчачьей шее, удобно лежавшей в его ладони. Тьма уже и сюда добралась, распробовала сладкую невинность… Шустрая, плутовка.

Прорвав завесу, Тьма охватила девицу целиком, заполнила сладостным ядом, как трепетный хрустальный сосуд. Несколько минут – и приговор будет приведен в исполнение.

Демоны мрака! Данн тут ничем не поможет. Все кончено, хоть со стороны пока незаметно. И потому белобрысый еще заламывает руки в глупой надежде.

Почему это произошло? Куда делся крепкий барьер, призванный стоять на защите святая святых – человеческой души? Отчего так ослаб, что дал трещину? Много, много вопросов… Чужих, не его. Маггвардия во всем разберется.

Неприятная мысль скрутила живот: скорее всего, защитный барьер треснул неспроста. Такое редко, но случалось – из-за наследственных хворей и слишком смелых магических экспериментов. И был еще один вариант, самый гадкий…

– Эй, сир, вы куда?! – вскрикнул парень, едва Рэдхэйвен начал подниматься с колен.

Данн на него не смотрел – как примагниченный, пялился на пухлую, добела закушенную губу. Зачем-то бросил скупое «Прости» и опустил невесомую голову на траву. Попытался встать, да только чуть рядом с девицей не завалился, измазав остатки одежды в местной грязи.

– Что за?.. – Дернул ногой, не желавшей распрямляться.

Что-то его не отпускало.

Данн распахнул плащ, покрутился, пытаясь понять, за что зацепился брюками. И обнаружил на ткани целых пять намертво сжатых тонких пальцев. Тьма ее раздери! Девчонка держала крепко, моля об одной-единственной попытке.

Черные пушистые ресницы дрогнули. Из-под приоткрывшихся век появились бледно-зеленые глаза, исполненные такой муки, что холодом пробрало.

Нет, она не просила. Не жаловалась. Просто смотрела с ужасом, не понимая, что с ней творится. Не осознавая еще, что умирает.

Захотелось вдруг соврать малодушно. Обнадежить, что завтра утром доставучая зараза проснется в собственной постели. Что сможет снова наслаждаться рукоделием, журналами, пением птиц… Или чем там девицам в этом возрасте наслаждаться положено?

– Хорошо, – ответил Данн скорее себе, чем девчонке. – Я попробую.

Шикнул злобно, и любопытствующую толпу отбросило еще на пару метров. Ему нужен воздух и пространство.

Посмотрел на девчонку строго, безмолвно упрекая в том, что она втягивает его в Варх знает что. Она тут же захлопнула веки, избегая укора. Обмякла, удрав в спасительный обморок, оставив его наедине с проблемой. Зараза.

Данн пробежался пальцами по вороту платья, слишком легкого для промозглой погоды. Бессердечно вырвал с мя-

сом несколько пуговиц, освобождая задыхающееся горло. Вернул правую ладонь на горячий затылок, левую разместил между ключиц. Вот так, кожа к коже. Он знал, что делать, но от этого было не легче.

Даннтиэль звал, и Тьма откликалась. Сначала неохотно, а потом с жадным, алчущим энтузиазмом: она давно ждала этой встречи. Странный, никому не слышный диалог…

Черные вены, опутавшие девчачьи руки до самых плеч, пульсировали, шевелились. Скользкими змейками тянули хвосты к бледной шее. К точкам, которых касались пальцы мастера. Сворачивались в клубки и концентрировались смертельным сгустком в ложбинке между ключиц.

Во что он ввязывается? Во что он, Тьма его побери, ввязывается?!

К гхаррам… Или сейчас, или уже никогда. Совсем никогда. Данн резко выдохнул и впился в нежную шею губами.

Едва он коснулся тонкой кожи, девчонка вынырнула из обморока. Вскрикнула, всплакнула судорожно и вся затряслась.

– Отпусти! – прорычал Данн настойчиво, предвкушая поток боли, который вот-вот заструится по его венам.

Как он позволил себя в это втянуть? Уже ведь не так молод, как в академические годы, чтобы участвовать в сомнительных экспериментах.

Но отступать было поздно. Темная сладко-горькая мерзость послушно вытекала из юного тела и впитывалась ему

под кожу. Почти сразу же она растворялась, пропадала, оставляя после себя лишь тоскливую боль.

Данн осел на траву и прикрыл глаза, надеясь избавиться от мельтешащих перед ними черных точек. Лишнее напоминание, что ему давно не двадцать.

Аквелукская девица снова лежала без сознания. На бледные щеки возвращался румянец, ресницы остановили суетную дрожь. Можно было поверить, что беда миновала. Но Данntиэль слишком хорошо знал Тьму.

Так просто от лакомой добычи она не откажется, а защитный барьер разорван в клочья. На восстановление магических связей уйдет не меньше недели. Сколько раз за эти дни грязь изнанки сумеет пробраться внутрь?

– Ты был с ней до приступа? – не вставая с травы, наклонил к себе патлатого белобрысого паренька. – Какой уровень силы?

– Я только учусь…

Данн распрямился, покосился на Звездносвод, поморщился. Вархова бездна! Полчаса до отправления!

Даже королевского мастера проклятий воздушное судно ждать не будет. Хотя бы потому, что он сейчас не на службе. И вопрос, что ведет его в Анжар, куда более личный и серьезный, чем обычные поручения ее величества.

Рэдхэйвен пригляделся к ауре, окутывающей мальчишку. Неплохо одарен, и резерв до краев наполнен, но… М-да, слишком юн и беззаботен, чтобы знать те чары, которые его

интересуют.

– Тормози первый вояжер, какой увидишь. – Подтолкнул парня к пыльной дороге, а сам подхватил девчонку на руки. Удивительно: создание со столь тяжелым, изматывающим нравом почти ничего не весило.

Толпа начала рассасываться. Если кто и хотел задать вопрос о здоровье девицы, то не решался, наталкиваясь на жуткий взгляд. После тесного общения с Тьмой Рэдхэйвен был не в настроении вести светские беседы. Их взаимные счеты тянули на очень, очень длинный список.

Через пару минут парню удалось поймать приличный транспорт, и Данн погрузил омраченную девицу внутрь.

– Ты едешь с ней. – Схватил мальчишку за отворот плаща и цепко посмотрел в глаза, убеждаясь, что каждое его слово попадает в цель. – Вези ее домой.

– Может, в лечебницу лучше? У нас отличные целители, не хуже столичных…

– Домой, не сворачивая, – хрипло бросил Данн, разыскивая в горле свой обычный голос.

Не стал тратить время на объяснения. Аквелукским лекарям девицу не спасти. Велика вероятность, что во всем Эррене только один маг способен справиться со столь необычной хворью.

– Вели переодеть в другую одежду. Уложить в постель и плотно зашторить окна, – сыпал инструкциями королевский мастер, явно не за этим всем сорвавшийся со службы пе-

ред самым Балом Варховых даров. – Все, что было на ней, – сжечь.

– А потом? – Белобрысый неуверенно переминался с ноги на ногу.

– И предупреди, что я приду к вечеру, – нехотя добавил Рэдхэйвен.

Видно, подошло время для подвига по расписанию. Жаль только, час подвернулся катастрофически неудобный.

Воздушные суда ходят в Анжар каждый день. И Данн еще мог потешить себя надеждой, что завтра утром все-таки попадет на рейс и прилетит в срок… Но только если родственники болтливой девицы из Аквелука откажутся от его услуг. В противном случае он застрянет в этой пахучей деревне на неделю. Проклятье!

А ведь он еще успевает на сегодняшний рейс. Не поздно оставить все как есть. Бросить вархову зеленоглазую заразу в лечебнице. Он ведь оказал первую помощь, а дальше… Разве это его проблема? Разве не ждут его крайне важные дела в Анжаре – тоже, к слову, вопрос жизни и смерти?

Но нет, проходить мимо надо было раньше. Намного раньше, еще у фруктовой лавки, а лучше – в книжной… До того, как девчонка задела за живое, ковырнув до мяса, царапнув по кости. Как расшевелила совесть, сдобрив ее изрядной порцией честной злости.

– А она не того… к вечеру? – промямлил, судя по всему, ее ухажер.

– До полуночи должна дотянуть, – проворчал Данн.

Он ведь давно примирился со своей натурой, его все устраивало. Так какого Варха он ввязывается в чужую беду, в которую его не звали?

– А как вы найдете?..

– Не беспокойся. Тьму я всегда найду.

Данн пропустил парня и захлопнул дверцу вояжера, прикидывая, сколько писем ему нужно отправить. На самом деле он давно понял, что ни в какой Анжар не едет.

Сразу, как увидел исполненный боли и страха зеленый взгляд. Как ощутил пальцы, крепко сомкнувшиеся на его одежде. Даже если родственники окажутся глупцами и откажутся от его услуг, он найдет способ их переубедить.

Глава 4

Данntиэль

Дом был мрачен и тосклив. Мудрыми старыми стенами он чувствовал беду, свалившуюся на бедное семейство.

Внутри было пыльно и ветхо. Пахло книгами, памятными альбомами, вызволенными с чердаков, и сентиментальными безделушками, что обычно хранят в закрытых картонных коробках.

Навстречу Данну вышел старик, который при ближайшем рассмотрении оказался куда моложе предполагаемого возраста. Скорее отец, чем дед. А морщины на лбу углубились только сегодня, и причина тому была известна.

– Кто вы? – поприветствовал гостя сухим кивком хозяин дома.

Мыслями он явно находился не здесь, а с девицей, лежавшей на верхнем этаже. Данн отсюда мог определить дверь, за которой ждала зараза. Так же, как без труда нашел *этот* дом, наполненный тоскливым мраком.

Тьма имела совершенно специфический аромат и вкус. Он его всегда узнавал, такой дразняще терпкий, сладковато-приторный, знакомый. Рэдхэйвен с ним давно сроднился

по долгу службы.

Данн слишком измотался сегодня, чтобы церемониться со стариком. Он с прошлой ночи на ногах и давно был не прочь прилечь. Или хотя бы присесть, устроившись в самом темном углу какой-нибудь пустующей харчевни за стаканом анжарского крепкого… Там он вполне сносно провел бы время, дожидаясь утреннего рейса.

Затоптав в пахучую аквелукскую землю пустые надежды, Данн сунул хозяину визитку с эмблемой двора на титульной стороне. Ожидал, что папаша кивнет уважительно и приосанится, как обычно бывало… Но старик только недоверчиво фыркнул. Да эта вежливость у них наследственная!

– «Главный мастер защиты от проклятий королевского двора», – прочитал старик по слогам, вертя карточку в ладони. Стушевался едва заметно, но быстро взял себя в руки. – Кхм, я, кажется, видел ваше фото… в «Либтоунском Вестнике» этим летом.

Данн болезненно поморщился. Летом… Скорее, там была дурацкая карикатура с участием юбок ее величества. Но в данный момент он был не против даже такого нелепого узнавания. И впервые за карьеру испытал благодарность к главной газетной сплетнице Мэтьюз-Грейс.

– И вы нам поможете? – неуверенно уточнил старик.

– Попытаюсь. Но на своих условиях. – Данн нахмурил лоб и прошелся по коридору. Дальше его не пригласили, а значит, обсуждать «неприятную часть» придется в проходе. –

Восстановление барьера – процесс небыстрый. Сами понимаете, насколько аппетитной выглядит ваша дочь в глазах Тьмы. Или… не понимаете?

Прищурился, нацелив острый взгляд на хозяина. Тот под ним даже не дрогнул.

– Она крепкая девочка. И телом, и магией, – зачем-то заверил его старый чародей.

Будто тренированные ноги и сильная искра хоть кому-то помогли убежать от Тьмы!

–Очень аппетитной. – Данн до боли выгнул бровь, надеясь побыстрее достичь с папашей взаимопонимания и перейти к еще более неприятной части. Их впереди было до Варха, и все как одна паршивые. – *И невыносимо желанной.*

Хозяин растерянно почесал короткую бороду, провел рукой по лысеющей макушке, выдохнул… и, поразмыслив, согласно кивнул. Еще какой желанной. Такие подарки Тьме достаются редко.

Позади старика открылась дверь, и мимо них прошла полная женщина приятной наружности, не то кухарка, не то экономка. Из проема показалась роскошная библиотека – явный центр притяжения всего дома. Даже отсюда чувствовался щекотный аромат ветхих изданий.

Маги-интеллигенты… Нет, он ничего не имел против умников, не вылезающих из библиотек. Но те, как правило, слишком некрепко стояли на земле, все норовя долететь мыслями до варховых золотых облаков. Ученых редко забо-

тили скучные мирские проблемы. В этом они с Данном, пожалуй, были похожи.

Осознавал ли стоящий впереди мужчина, что уже почти невозможно отвоевать девчонку у опьяненной Тьмы? Одурманенной, распробовавшей вкус невинной жертвы? Как обезумевшая гончая, учуявшая манящий запах крови, она станет выслеживать ее снова и снова. Забираться в нежное тело, мучить, очернять, отвоевывая для себя душу по кусочкам…

Единственный способ договориться с Тьмой на ее территории – предложить что-нибудь взамен. Нечто столь желанное, что затмит даже дурманящий аромат невинности. И по счастливой случайности у Данна было чем ее приманить.

– Моя девочка не сделала ничего дурного, Варх свидетель! – горячо прохрипел старик, пошатываясь, словно в бреду. – Днем приходили целители… А потом служительницы храма Имиры Сиятельной… Они говорили…*всякое*.

– И каков вердикт? – с насмешливым интересом уточнил Данн, догадываясь, каким будет ответ.

– Лекари незнакомы с подобной хворью. Они предположили проклятье, но снять не смогли, – сердито выдохнул папаша, со злом сминая в кулаке визитку. – Храмовницы призвали меня смириться с карой, ибо только черные души становятся жертвами Тьмы.

Хозяин развернулся и, дергано шагая, вошел в библиотеку. Он громко сопел и не спешил снова смотреть на гостя. Бубнил себе под нос, словно вовсе не с Данном разговари-

вал:*«Моя жена была ученым… Выдающимся, одаренным, не каким-нибудь шарлатаном! Отец ее больше смыслил в религии, чем в науке… Но где они, эти наука и религия, когда моя малышка мечется в постели от боли?»*

– Так что*вы* скажете, королевский мастер? – воскликнул старик с вызовом, опираясь дрожащей ладонью на книжный шкаф. – Это кара, болезнь или проклятье? Заслужила моя девочка наказание или это нелепая случайность?

– Не проклятье и не кара, – холодно выдал Рэдхэйвен и сделал шаг назад, избегая чужих заразительных эмоций. – Первое я бы не пропустил, что до второго… Аура девчонки сияет, как тот начищенный артефакт, что стоит у вас над камином. На мой взгляд, даже перебор с чистотой для ее возраста.

– Ну, это уж не вам решать! – воинственно взвился папаша, как-то резко помолодев.

– Я буду приходить каждый вечер, в десять по Звездносводу, – перешел Данntиэль к самой неприятной части. Пустые скандалы его раздражали, но реакцию он легко мог предугадать. – Встречать не нужно. К этому моменту в доме должно быть тихо и темно.

Маг коротко кивнул, соглашаясь, что эти требования исполнить в его силах.

– Я буду подниматься к ней в комнату и оставаться до утра. Никто не должен в это время туда входить. *Никто,* даже вы. До самого рассвета, что бы вы ни услышали. – Данн

договорил уверенно и спокойно, но лицо старика все равно побелело и предательски сползло.

М-да… такая вот нынче медицина. Мисс Мэтьюз-Грейс была бы счастлива о ней написать в своей газетенке. Такая жирная почва для скандала.

– Вы будете оставаться… с моей девочкой… наедине? В ее спальне? По ночам?! – взревел гордый папаша и смерил незваного гостя гневным взглядом.

Данн устало воздел глаза к потолку: очень, очень неприятная часть.

– Именно так. И ваши отцовские страхи меня мало волнуют. К тому же невоспитанная девица не в моем вкусе, – поморщился Данн, вспомнив перепалку в парке.

Не знал, кого больше в этом пытается убедить – себя или сердобольного папашу. Зеленоглазая зараза и впрямь ничем не походила на столичных девушек, с которыми он заводил короткие романы время от времени.

На последнюю – так особенно. Прямо скажем, они были похожи ничуть не больше, чем небо и земля, Варх и Тьма, помпезный королевский двор и горящий сочной листвой парк Аквелука…

– Мне совсем нельзя присутствовать? – прошептал старик, покорно проглотив обиду.

– Я не готов открывать публике свои… кхм… «нетрадиционные целительские методики», – проворчал мастер защиты.

Данн не утруждал себя сомнениями, а не звучит ли это как-то двусмысленно? Видит Тьма, оно и выглядит так же. И именно поэтому папаше лучше не смотреть, для их обоюдного блага и психического здоровья.

– Соглашайтесь или отказывайтесь. Решение за вами. – Передернул плечами, уговаривая себя уйти, если укажут на дверь. Видит Тьма, с него достаточно унижений для одного дня.

– Зачем вам это? – спросил старик, все еще крутя мятую карточку в узловатых пальцах. – Не поймите неправильно… Вы состоите на службе у ее величества. И вряд ли она послала вас в Аквелук помочь моей дочери. Вряд ли короне вообще есть дело до здоровья моей малышки.

Глаза старика не озарились блеском благоговения на словах о монаршей особе. Что в них сверкало, так это ярость. Рэдхэйвен был почти уверен: не будь ситуация трагичной, маг захлопнул бы перед его носом дверь.

Впрочем, все свое недовольство хозяин скрыл за маской равнодушной учтивости. Он точно когда-то жил в столице, раз научился быстро прятать эмоции. Без этой способности в Хитане никак.

– У меня полно свободного времени, – лениво соврал Данntиэль, пожав плечом. Игра в гляделки с непробиваемым магом порядком утомила. – И надо чем-то разбавить скуку. У вашей… кхм… «малышки» интересный случай.

«Интересный случай», м-да… И поэтому он еще час на-

зад отправил письмо Найджелу и сообщил, что опоздает на неделю? То, другое дело тоже было неотложным.

И все-таки Данн остался в Аквелуке – небольшом городишке, последней остановке на пути в Анжар. Себе он правдиво ответить не мог, но отцу девчонки нужно было сказать хоть что-то.

– И это все? Вам… скучно?

На морщинистый лоб выскользнуло что-то вроде отвращения. Но затем старик поразмыслил и, видимо, счел эту причину не самой паршивой из возможных. Даже как будто успокоился.

«Столичный сноб, убивающий скуку странными способами» вполне вписывался в его картину мира и подозрений не вызывал. В отличие от хитанца, который решил бы помочь по доброте душевной и из сочувствия к чужой беде.

– Я не люблю бросать начатое, – добавил Данн, морща нос. Запах Тьмы и книг, намешанный в доме, уже въелся в его одежду. – То, с чем мы столкнулись, весьма специфическое явление. И, пожалуй, мне любопытно, подействует ли мой… кхм… метод.

– «Нетрадиционный», – проворчал старик, брезгливо выбрасывая визитку в урну для бумаг.

– Экспериментальный. И еще: я сделаю это не бесплатно. – Рэдхэйвен склонил голову набок и сощурил глаза, с интересом наблюдая за реакцией. Он не бедствовал, но полагал, что любая работа должна оплачиваться. По справедливости

и исходя из возможностей. – Через неделю я выставлю вам счет.

– Просите все что угодно, мастер Рэдхэйвен, – побежденно пробормотал хозяин дома, окончательно успокоившись на слове «счет». Картинка в его голове полностью собралась.

– Именно так я и сделаю. Закончив лечение, попрошу у вас…*то, что мне угодно*.

На верхний этаж вела красивая витая лестница. Чувствовалось, что еще утром здесь кипела жизнь.

Дом утопал в цветах, но теперь их запах забивала расползшаяся по пространству Тьма. Невидимая, неосязаемая, но присутствующая столь явственно, что хотелось немедленно выйти на улицу и продышаться. И все-таки Данн сделал еще один шаг вперед, забираясь на последнюю ступеньку.

Узкий коридор, разграничивающий спальни, был украшен сотней симпатичных мелочей. С десяток рамок с портретами красивой зеленоглазой женщины с аристократическими чертами и темными волосами, заплетенными в толстую косу. Коллекция безделушек под стеклом – всяческих шестеренок и устаревших бытовых артефактов, которыми уж лет сто, как не пользовались в Эррене.

Он толкнул левую дверь и вошел в спальню. Шторы, как он и просил, были плотно задернуты. Девчонку переодели в белую сорочку до пят и уложили на постель.

Она была на самой границе сознания – еще не в обмороке,

но и не в ясном уме. Лежала на подушках, раскинув руки и жалобно похныкивая в забытьи.

Он едва не опоздал, расшаркиваясь с дотошным папашей. Варх дери… Надо было просто выбить дверь и пройти наверх, не дожидаясь великодушного разрешения!

Данн нагнулся над кроватью, пытаясь получше рассмотреть ее в полумраке. Серая тень вновь натянулась на миловидное лицо. Глаза впали, под ними пролегли синие пятна. Но болезненный вид лишь сильнее выявил красивые черты.

Упрямые черные брови, пушок длинных ресниц, разметанные по подушке темные волосы… Узкое, продолговатое лицо, скульптурно очерченный подбородок… Высокий бледный лоб, покрытый испариной. Пухлая нижняя губа, искусанная в кровь…

Зараза и впрямь была привлекательной девушкой. И это несколько усложняло «экспериментальную методику». Сильно, сильно усложняло.

Рэдхэйвен даже не знал ее имени. Забыл спросить. Или не захотел. Какое имело оно значение здесь и сейчас?

Тьма мучила свою жертву, обволакивая девчонку паутиной, упаковывая в кокон, сотканный из мрака. Черные прожилки снова расползались по телу тонкими змеями. Наплывали на точеные скулы, на шею, на ладони и длинные пальцы.

Если бы кто-то вовремя заметил трещину в барьере… До того, как Тьма проторила в это тело дорожку и «подсела» на дарованную чистоту… Всего этого можно было бы избежать.

– Кто-то! – фыркнул Данн и со злостью потер морщину поперек лба. – Я должен был заметить. Я.

Она ведь столько времени торчала прямо перед ним в варховой книжной лавке! Забавно покашливала, пытаясь привлечь внимание.

А он заскучал за книгой и искал способ развлечь себя до рейса. До отправления была еще пара часов, и Данн был близок к тому, чтобы помереть с тоски. И потому старательно изображал глухого, провоцируя аквелукскую простушку.

А когда все-таки обернулся к ней, то ничего не заметил. Ни мрака, ни дыры в барьере… Только дерзкие зеленые глазищи, расширившиеся от изумления, и скривившийся красивый рот.

Девица испугалась, и это оказалось неприятно. Обычно Данна забавляла чужая реакция на его жутковатую персону.

И нет, деревенской простушкой задиристая девчонка не была. Магию его сразу почувствовала, но не отступилась, а только сильнее завелась. Будто его плащ, выдававший обеспеченного хитанца, был для нее как красная тряпка для бешеного гхарра.

Раньше королевский мастер защиты от проклятий Тьму не пропускал. Варх, ведь это его работа! Было это черное пятно на запястье или нет? Наверняка и тень над девицей нависала еще в лавке. Так это всегда и случается. А куда смотрел Данн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.